

живописи составило 30 человек³²⁴. При освидетельствовании церковей особое внимание обращали на иконостас. Так, в 1903 г. составлен акт о состоянии Спасогубской церкви, в котором особо указывалось, что в ней «все иконы греческого письма»³²⁵. К 1907 г. епархиальное церковное братство наладило распространение в сельских приходах «недорогих, но правильного письма икон»³²⁶. Епархиальный съезд духовенства настоятельно просил местное начальство «воспретить, особенно в корельских приходах, развозку и продажу образов крайне неискusного (владимирского) письма и принять меры к распространению в сих приходах икон из склада Братства преподобного Александра Свирского»³²⁷.

Подводя итоги, можно отметить, что иконопись стала одной из сфер, где государственный контроль медленно, постепенно усиливался, приводя к каноническому единообразию в изображении святых, Христа и Богоматери. Но возможности местной духовной власти в этой сфере оставались незначительными. Во-первых, изгоняемым из торговли иконам следовало противопоставить одобряемые образцы, которые пришлось бы изготавливать в массовом порядке. Такой возможностью духовная консистория не обладала. Во-вторых, нередко торговля осуществлялась нелегально. Более-менее поддающейся надзору стала торговля иконами в центре губернского города, буквально на пороге соборного храма Олонецкой епархии. Многочисленные приходы оставались за пределами контроля; здесь процветала нелегальная торговля, следствием которой стало распространение упрощенных, дешевых и доступных небогатым верующим изображений.

§ 4. Память верующих

Христианство изначально формировалось как «религия историков», «одна из наиболее темпорализированных религий в истории человечества»³²⁸. В нем главенствующую роль играло абсолютное,

³²⁴ Сворцов В. Из жизни петрозаводских духовно-учебных заведений // ОЕВ. 1900. № 13–14. С. 515.

³²⁵ НА РК, ф. 25, оп 20, д. 54/613, л. 24 (Акт о состоянии церкви во имя Преображения Господня).

³²⁶ От совета Олонецкого епархиального церковного братства // ОЕВ. 1907. № 14 (Приложение, с. 3).

³²⁷ Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128) // ОЕВ. 1907. № 14. С. 277.

³²⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: история и теория. В 2-х т. СПб., 2006. Т. 2. С. 117.

основанное на безграничной вере признание истинности, исторической достоверности событий, запечатленных в текстах Священного Писания, житиях святых, сюжетах из истории церкви, изображенных на иконах. Иконостас, имеющийся в каждом православном храме, способствовал поддержанию памяти: его «можно сравнить с открытой книгой, рассказывающей о Небесной церкви»³²⁹. В православном обиходе имело место гармоничное сочетание молитвы и иконописных изображений. Так, купольные росписи православных церквей раскрывали молитвенное состояние готовящихся принять таинство Евхаристии³³⁰. В трудах современных историков православный приход предстает как «особая мнемоническая община», предназначение которой состояло как в поддержании коллективной памяти о прошлом России, так и в осмыслении текущего момента исходя из общего понимания минувшего³³¹. Известно, что общая память о строительстве церкви, практика поминаний, намоленные храмы — «все это актуализировало прошлое, делало его созвучным настоящему и востребованным текущей жизнью»³³². Есть и другая, обратная, сторона этой проблемы. Коллективные воспоминания, сохранившиеся в текстах или зафиксированные в обрядах, «воспроизводят не непосредственно жизнь и учение Иисуса, но их изображение, созданное первыми поколениями христиан»³³³. С этого времени память подверглась обработке: «изначальные элементы христианской веры должны были так или иначе расширяться, обобщаться, проникая в сознание групп, ранее подчинявшихся другим традициям»³³⁴.

В большинстве случаев память сообщества верующих концентрировалась на ряде происшествий, которые воспринимались как судьбоносные, священные, и на некоторых исторических персонажах. Их деятельность, в той или иной мере вырванная из

³²⁹ Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 142.

³³⁰ Шенникова Л.А. Силы небесные: иконография и литургические тексты // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство, с. 181.

³³¹ Шевцова В. Освящение истории: Богородица и православная память в поздний период Российской империи // Историческая память и общество..., с. 301.

³³² Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв., с. 159.

³³³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 244.

³³⁴ Там же.

исторического контекста, превращалась в сознании людей в цепь экстраординарных деяний. Затем разнообразные дискретные события объединялись памятью в единое логичное повествование. В конечном итоге память позволяла «вписать личность в современную культуру, эпоху», она заставляла каждого «не быть просто представителем рода человеческого, а человеком определенных временных качеств»³³⁵. Иначе говоря, память, в том числе память православная, становилась важной предпосылкой социализации. Ведь известно, что памятью обладает отдельный человек, а не коллектив. Но эта память обусловлена коллективным восприятием тех или иных событий, а индивидуальная память создается в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуникации. Назначение духовенства при этом как раз и заключалось в том, чтобы «фиксировать свою традицию, определять свое учение и подчинять мирян иерархической власти клириков, которые становятся уже не просто чиновниками и управителями христианской общины, но образуют отдельную, закрытую от мира группу, всецело обращенную в прошлое и занятую единственно его поминовением»³³⁶.

Итак, на протяжении веков сформировалась, обрела своеобразные черты и стала важным фактором воцерковления особая разновидность коллективной памяти — православная память. Это сумма разнообразных знаний, теснейшим образом связанная с народным восприятием сакрального, трансцендентного мира, колоссальная по объему и степени влияния на повседневную жизнь, поступки каждого человека. По сути дела, православная память может рассматриваться как основополагающий код русской народной культуры, управляющий ее языком, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями. Она определяла для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться. Православная память основана на практических потребностях социализации отдельного индивида и связана с поддержанием приемлемых для данного сообщества рамок повседневной жизни. Обязательное условие ее существования — постоянная тренировка памяти в процессе освоения и поддержания знаний, необходимых верующему для полноценного участия в жизни социума. Оправданием ее существования стал психологический комфорт. С одной стороны, память

³³⁵ Нуркова В.В. Совершенное продолжается. Психология автобиографической памяти человека. М., 2000. С. 11.

³³⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти, с. 241.

создавала позитивные и утешительные представления, связанные с «культурно значимой верой в бессмертие, в независимость души от тела и в продолжение жизни после смерти»³³⁷. Не случайно в церковном ритуале погребения одним из основных рефренов является «вечная память». С другой стороны, память верующих формировала приемлемые с духовной точки зрения условия существования в обыденной жизни, здесь и сейчас. Ведь по парадоксальному наблюдению известного религиоведа М. Элиаде, «человек считает для себя возможным жить только в сакральном пространстве, каким бы необычным по сравнению с профанным, оно ни было»³³⁸. Так, в Лижемском приходе сохранялось предание о трансцендентном вмешательстве в выбор места для деревни: «На месте селения Лижмы была корба, низкое глухое место, покрытое густым еловым лесом. На одном из деревьев была найдена икона святителя Николая, что и дало мысль первым временным поселянам устроить сперва часовню, а потом с помощью соседей-радетелей и церковь»³³⁹.

Часто с сакральными событиями связывалось вполне обыденное дело – строительство церковного здания или основание нового поселения. Ведь и то и другое не могло быть результатом простого рационального решения, усилий человеческого рассудка. В преданиях, которые в данном случае выступают в качестве одной из форм православной памяти, запечатлен выбор места для возведения храма или селения благодаря вмешательству сверхъестественных сил. Так, основание деревни Вирма предание связывало с чудом: трижды брошенная в воду икона приплывала к одному и тому же месту: «куда икону принесло, там и деревню построили»³⁴⁰. В выборе места решающее значение имели вполне профанные, особенно на первый взгляд, предметы, становящиеся орудием высших, сакральных сил. Так, выбор места для Успенской церкви в Саминском приходе обусловил сплав трех стволов вниз по течению реки. Там, где деревья прибило к берегу, появилась церковь. Это противоречило рациональным представлениям местных жителей: «хотели там, дак уж на возвышенном месте, поставить эту церковку. <...> Но там не пришлось, нет»³⁴¹. Православная память не сохранила какие-либо жесткие законодательные

³³⁷ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 52.

³³⁸ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 349.

³³⁹ Воронов А. К истории Лижемского прихода // ОГВ. 1902. № 63. С. 2.

³⁴⁰ Предания Русского Севера / Сост., коммент. Н.А. Криничная. СПб., 1991. С. 39.

³⁴¹ Там же.

ограничения, связанные со строительством церквей и часовен, но явный конфликт между трансцендентным миром и волей крестьян — устойчивый сюжет в преданиях о строительстве церквей. Так, церковь Пречистенского Водлозерского погоста «предполагалось построить на острове Шенгема <...> Но лес, пригнанный сюда для постройки, сам собою отплыл к тому месту, где теперь стоит погост. Набожный народ счел это за нежелание Божией Матери иметь церковь на острове Шенгема и построил в честь ее рождества храм на выбранном ею самой месте»³⁴².

Не меньшее значение православная память имела в обустройстве человеческой жизни, формировании жизненных стратегий, связывающих в неразрывное единство сакральное и мирское. Известно, что память по своей природе не репродуктивна, а реконструктивна: в сознании людей «прошлое не статично, оно меняется под воздействием нового опыта»³⁴³. Так, «житие как текст символический может, но не обязано иметь соответствия в действительности». Житие «призвано организовывать эту действительность»³⁴⁴, участвуя в принятии верующим тех или иных жизненно важных, «судьбоносных» решений. Явление в повседневной жизни трансцендентных сил приводит к тому, что обыденное существование простых смертных приобретает новые качества. Так, обращение к Богу в намоленном предками пространстве «создавало дополнительное ощущение защищенности и уверенности в исполнении желания»³⁴⁵. Иногда вторжение сверхъестественного в повседневную жизнь становилось предметом рассмотрения в прессе. Так, один из петрозаводских охотников по привычке, распространенной среди его современников, выстрелил в только что отремонтированную часовню: «такой, достойный всякого осуждения, обычай стрелять из ружей в часовни и кресты водится среди охотников г. Петрозаводска». Вскоре после этого святотатства охотник утонул ружье в озере и смог найти его только после покаяния и молитвы в той же часовне³⁴⁶.

³⁴² Предания Русского Севера, с. 40.

³⁴³ *Нуркова В.В.* Совершенное продолжается. Психология автобиографической памяти человека, с. 24.

³⁴⁴ *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. В 5-ти т. М., 2000. Т. 3. С. 381.

³⁴⁵ *Листова Т.А.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 724.

³⁴⁶ *П.Д.* Часовенка в честь Феодосия // ОГВ. 1902. № 76. С. 3.

Известно, что русский крестьянин «не мыслил себя иначе, как православный верующий человек с определенным стереотипом религиозного поведения»³⁴⁷. Это накладывало на него серьезные обязательства, связанные с сохранением в памяти множества фактов, в совокупности составляющих христианское вероучение. Можно выделить ряд уровней православной памяти. *Первый* из них связан преимущественно с повседневным обиходом — почитанием домашних икон, а после распространения грамотности — с семейным чтением житий святых (до этого времени житийные сюжеты внедрялись в память благодаря рассказам наиболее просвещенных верующих и духовенства). Эту разновидность памяти можно определить как миметическую, связанную с подражанием детей взрослым, менее опытным в духовной сфере более опытным и т.д. Между иконой и поддержанием в памяти верующего событий церковной жизни прослеживается очевидная взаимосвязь: «навыки произнесения краткой и частой молитвы перед иконами оказались очень устойчивыми»³⁴⁸.

Второй — с местными событиями религиозной жизни и, следовательно, с наиболее распространенной, массовой, формой религиозной жизни в России — церковным приходом. Ведь память невозможно объяснить из индивидуальной физиологии и психологии. Она обусловлена взаимодействием с другими индивидами, обладающими сходными духовными запросами. Сюда же включается предметная память. Мир, в котором постоянно живет каждый верующий, «снабжен показателем времени, который указывает не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого»³⁴⁹. В то же время память верующих не исключала проявлений анахронизма, в народном сознании нередко объединялись явно разновременные события. Например, в преданиях коми слились воедино деятельность Стефана Пермского в XIV в. и строительство Ульяновского монастыря в 1667 г.³⁵⁰

Верхний, третий, уровень православной памяти связан с профессиональной деятельностью духовенства — литургией и регулярным чтением Евангелия в церквях. С одной стороны, священник являлся

³⁴⁷ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север, с. 707.

³⁴⁸ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки икононого дела в императорской России, с. 38.

³⁴⁹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 20.

³⁵⁰ Историческая память в устных преданиях коми. Сыктывкар, 2005. С. 10.

посредником между Богом и людьми. С другой — на него возлагались обязанности по изучению, систематизации и изложению локальных компонентов православной памяти — местных легенд, преданий, поверий, в той или иной степени связанных с церковными сюжетами³⁵¹. В своей повседневной деятельности он получал богатый материал для изучения народных традиций. Ведь иерей обращался чаще всего к безграмотной пастве, значительная часть которой не понимала русского языка и не могла полноценно участвовать в исполнении треб и воспринимать богослужение. Поэтому произнесение проповедей в приходских церквях Севера России не получило широкого распространения, что неизбежно приводило к народным, профанным толкованиям основных евангельских сюжетов, весьма произвольному обращению с текстом Священного Писания. Постоянная апелляция ко всем этим перечисленным пластам памяти становилась важным условием поддержания традиционных норм общения, выработки коллективных ценностей, взаимопонимания и взаимодействия членов общества, установления критериев разграничения добра и зла в повседневной жизни.

Специфической чертой религиозной памяти стала равная степень проникновения в прошлое и будущее. Во-первых, события прошлого: библейские пророчества, предсказания юродивых, «вещие» сны, сохраняясь в памяти, становились важнейшим источником для повседневного религиозного сознания. Во-вторых, картины воображаемого будущего: Страшный суд, грядущие события индивидуальной эсхатологии, укоренялись в памяти, передавались из поколения в поколение как вполне достоверный элемент религиозного опыта, значение которого обуславливалось неизбежностью будущего воздаяния за добрые и злые дела, совершенные на жизненном пути³⁵². И те и другие события фиксировались в памяти при помощи ярких, эмоционально окрашенных образов: картин мучений грешников в аду, райского блаженства, гибели и посмертного величия праведников. Аналогичное значение имели мемораты о последствиях нарушения запретов, «связанных с деревенскими святынями». Они не только повествовали о прошлых трагических событиях, но и являлись бережно хранимым в памяти грозным предостережением будущим поколениям³⁵³.

³⁵¹ *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни, с. 35.

³⁵² *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 26–35.

³⁵³ *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России, с. 126.

Возможна иная классификация видов православной памяти, предполагающая ее деление на зрительную, осязательную и т.д. При этом, несомненно, зрительная память выступала как наиболее «достоверный» (как известно, лучше один раз увидеть), а значит, и наиболее «влиятельный» способ фиксации событий прошлого. В ряде случаев мы имеем дело с преобладанием «мышечной» памяти. Ведь события прошлого так или иначе фиксировались и определенным образом воспроизводились в регулярно совершаемом действии как в храме Божиим, так и за его пределами – в обрядах, крестных ходах, в паломничестве к святым местам. «Память всегда нуждается в месте, стремится определиться в пространстве»³⁵⁴.

Духовное оформление этого пространства целиком возлагалось на память. Во-первых, звон церковного колокола «как бы создавал сакрализованное святое пространство, очищая его от всей нечисти»³⁵⁵. Во-вторых, важную роль в памяти верующих играла сакральная топонимика. Она включала в себя, во-первых, процедурное мышление, т.е. знание того, как надо действовать, и, во-вторых, «знание декларативное, т.е. совокупность прошлого опыта о тех или иных событиях и действиях»³⁵⁶. Поэтому сакральная топонимика выступала в качестве мощного стимула всех этих разновидностей памяти. Ее существование связывало повседневную жизнь, милые сердцу, привычные названия и сферу сакрального. Ведь простое произнесение имени, в том числе названия родной деревни в связи со священным событием, вызывает у человека «реакцию яркого переживания самотождественности»³⁵⁷. В конечном итоге то, что вспоминается или создается в процессе освоения территории – «это ландшафты, с которыми формируется связь»³⁵⁸. Эти наблюдения в полной мере относятся и к появлению новых святых локусов. В большинстве преданий почитание места, отведение ему особого

³⁵⁴ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, с. 40.

³⁵⁵ *Листова Т.А.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 727.

³⁵⁶ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. С. 96.

³⁵⁷ *Нуркова В.В.* Совершенное продолжается. Психология автобиографической памяти человека, с. 11.

³⁵⁸ *Соловьева А.Н.* Ландшафт: память и история в антропологической перспективе // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2006. С. 87.

уголка в памяти верующих начинаются с явления на нем чудотворного предмета какому-либо благочестивому «страннику»: путнику, мирянину или священнику³⁵⁹. В-третьих, имела место «сакрализация пространства иконами»³⁶⁰: повсеместное распространение и присутствие святых образов «на местах, которые хранила народная память». Как правило, так отмечали «места явленных икон, сгоревших или упраздненных церквей, сражений, места, где кто-либо был убит молнией или умер по другой причине, но тоже внезапно, без покаяния»³⁶¹.

Прочие виды формирования памяти использовались значительно реже. Так, освящение выступало как существенный стимул памяти, позволяющий приобщиться самым непосредственным образом к святыням, почитаемым предметам. Однако специфика священных объектов заключается в том, что простое, профанное прикосновение к ним нередко расценивалось как святотатство.

Для народного благочестия всегда были характерны «контрастные и резкие проявления религиозных чувств и тяга к амбивалентности»³⁶². Поэтому в процессе становления памяти с древнейших времен выработались определенные диалектические противоречия. Первое из них — несогласованность и разномасштабность коллективной и индивидуальной памяти. Индивидуальная память сохраняла прежде всего профанные события. Для сохранения событий сакрального характера от индивида требовались определенные, зачастую немалые усилия, которые тем не менее оправдывались и стимулировались повышением статуса человека, сохраняющего в своей памяти значимую для коллектива информацию. Поэтому православная память, как и любая другая, имела своих более или менее профессиональных носителей, способности которых донести до современников, воспроизвести факты из исторического прошлого придавалось особое значение. Коллективная память, в той или иной мере внедряясь в сознание каждого верующего, в значительной степени отождествлялась с проникновением в высший духовный, божественный мир. Это противоречие отчасти снималось наличием промежуточной ступени между коллективной и индивидуальной памятью, на которую обратил внимание Поль Рикёр. Он полагает, что в сознании человека существует промежуточная

³⁵⁹ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии, с. 317.

³⁶⁰ *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России, с. 20.

³⁶¹ *Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа, с. 100.

³⁶² *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России, с. 426.

инстанция, «где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ»³⁶³.

Второе существенное противоречие заключается в противостоянии письменной и устной церковной памяти, каждая из которых развивалась по собственным законам, а их пересечение оставалось проблематичным, порождая известный феномен «народного православия». Вернее будет говорить о латентном, глубоко скрытом конфликте памятей, каждая из которых имела собственных носителей, круг защитников и сподвижников, готовых решительно оборонять «свой» вариант памяти от непрошенного вторжения. Известно, что воспоминание или забвение тех или иных событий не всегда является бессознательным. Множество событий вытесняется из памяти вполне осознанно. Ведь за процессами культурного увековечения скрываются интересы определенных людей, в данном случае — наиболее активных и подготовленных мирян, приходского духовенства, воцерковленной интеллигенции, транслирующих свои представления о прошлом в массовую память через систему народного образования.

Третье противоречие православной памяти постепенно формировалось в XIX—начале XX в., по мере того как власть все более решительно стремилась поставить под свой жесткий контроль деятельность православного прихода, религиозную жизнь страны в целом. С одной стороны, имело место поощрение, даже своеобразное «провоцирование» памяти в виде разного рода церковных «летописей», исторических описаний, составляемых по требованию начальства и зачастую публикуемых в епархиальной прессе или просто бережно, до подходящего случая, хранящихся в консисторских архивах. Важным средством формирования памяти стали жития святых, число которых на протяжении всего времени бытия православия в России неуклонно нарастало. С другой стороны, те элементы памяти о религиозных событиях, которые не вписывались в одобренные церковью нормы, по мере возможностей стирались из памяти верующих, демонстративно не одобрялись церковью, что зачастую приводило к их забвению, исчезновению. *Имело место скрытое, тщательно маскируемое насилие над памятью, принимающее форму навязывания однородности восприятия исторического прошлого в рамках отдельного коллектива*, происходило постоянное «редактирование» памяти, допускающее как ее «непредсказуемость» в конкретных фактах, так и вполне прогнозируемое, закономерное отношение к отдельным ее компонентам.

Четвертое противоречие связано с постоянными попытками верующих привязать события прошлого к определенному временному отрезку

³⁶³ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 184.

и одновременно — с отсутствием или, по крайней мере, слабой выраженностью в памяти представления о конкретном времени. Известно, что коллективная память действует «в обоих направлениях: как назад, так и вперед»³⁶⁴. Те или иные события религиозной жизни осмысляются как свершившиеся в далекие времена, без какой-либо привязки к конкретному историческому периоду. Сознание верующих не замечает этого противоречия, которое к тому же никогда не представлялось существенным. Ведь давние события истории христианства освящены временем, они стали частью календарной обрядности, а близкие — предельно актуальны. Следовательно, и те и другие важны в равной степени. Попытки привязать события церковной истории к какому-либо хронологическому периоду встречаются крайне редко и, можно предположить, являются следствием школьного, систематического образования. Сходным образом формировалось представление о времени в «иконичном мышлении». Здесь события, происходившие во времени в определенной последовательности, могут «меняться местами, изменять свою очередность; вместе с тем от двух до шести и более событий, отделенных друг от друга значительными промежутками времени, изображаются в одном пространственно-временном континууме»³⁶⁵.

И наконец, пятое существенное противоречие сформировалось относительно поздно, но является важным и ощутимым аспектом религиозной жизни. Это противоречие между городской и сельской религиозной жизнью и простекающие отсюда различия в сфере фиксации актуальных событий. Известно, что «в селе приход имел свою историю», был связан с многочисленными и тщательно поддерживаемыми преданиями³⁶⁶. Множество городских приходов сформировалось относительно поздно, а городское население демонстративно порывало с деревенскими традициями. Это имело далеко идущие последствия в духовной жизни: современные исследователи не без оснований противопоставляют город и деревню, оценивая девиантные проявления в повседневной жизни. В городе произошло «ослабление общественного контроля» над личностью человека, в результате формировался «антиобщественный характер поведения» и даже возникали «негативные психические состояния»³⁶⁷.

³⁶⁴ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, с. 43.

³⁶⁵ *Лепяхин В.* Икона и иконичность, с. 250.

³⁶⁶ *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни, с. 42.

³⁶⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 94—95.

Можно сказать, что сакральная память обладает способностью заглянуть в далекое прошлое, но одновременно это память очень короткая, связанная с набором предметов, обрядов, праздников, являющихся актуальными, находящимися в поле зрения верующих в данный момент. Историческое прошлое как таковое не существует. Оно создается новыми поколениями людей и в этой связи является в значительной степени непредсказуемым. Основными способами фиксации событий религиозной жизни являлись церковные праздники, связанные с ними крестные ходы, те или иные формы поддержания устной традиции, сакральная топонимика. Они позволяли ежегодно вспоминать о наиболее значимых событиях религиозной жизни в отдельных местностях. Для верующих весь год связан с событиями в жизни Христа. В календаре богослужений «каждый день посвящается какому-нибудь святому, это поминовение всех тех, кто способствовал складыванию, распространению или прославлению христианского учения»³⁶⁸. Местные праздники могли быть связаны с прекращением эпидемии вследствие (как полагали верующие) заступничества святого, преодолением неблагоприятных метеоусловий и даже неоднократными ударами молнии по одному и тому же приходскому храму.

Так, в 1897 г. Синод разрешил установить особый крестный ход крестьянам из Сумского Посада Архангельской губернии. Поводом для их обращения в высшие церковные инстанции с просьбой о разрешении ежегодно совершать крестный ход стало необычное метеорологическое явление. Молния дважды в разные годы, но в один и тот же день и час ударяла в купол местной церкви. Крестьяне увидели в этом событии «не простую случайность, а чудесное знамение Божие». Поскольку это событие совершалось в день, когда особо почитается икона Божией Матери, называемая «Троеручица», то и крестному ходу предшествовало пение акафиста Пресвятой Богородице, чтение истории этой иконы, а после крестного хода «была прочтена коленопреклоненная молитва и провозглашены обычные многолетия и вечная память здателям и благодетелям храма»³⁶⁹.

Будучи одной из форм поддержания памяти, религиозные праздники имели серьезное психологическое значение. Известно, что память селективна: каждый человек способен извлекать из собственной памяти эпизоды, помогающие в настоящее время сделать правильный выбор, выстоять в тяжелых условиях. Освященные временем, эти события имели особое, вдохновляющее, непревзойденное значение для потомков.

³⁶⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти, с. 229.

³⁶⁹ А. Т. Новоустановленный крестный ход // АЕВ. 1897. № 14. С. 441–442.

Праздник имел и иной смысл: «празднующее село становилось центром праздника и как бы мироздания»³⁷⁰. Все эти связанные с торжествами события, пронизывающие профанный и сакральный уровни бытия, становились своего рода фундаментом памяти. Христианин должен ощущать свою современность трансисторическим фактам, с которыми связаны праздники: «воспроизведенные заново, они вызывают в текущую реальность момент теофании»³⁷¹.

Существенные исследовательские проблемы связаны с овеществленным и духовным способами сохранения событий. Всевозможные объекты, предметы церковного обихода (прежде всего иконы), памятники, связанные с событиями религиозной жизни, становились важнейшей опорой для памяти. Она при этом определенным образом ограничивалась, словно подстраиваясь под связанные с этим предметом житейские события, которые в этом случае приобретали сакральный смысл. Например, иконы имели в быту русских людей особое значение: ими благословляли на брак, в дорогу, в солдаты, перед ними братались и божились, находили в них утешение в горестях³⁷². Таким образом, в действие вступала ассоциация, являющаяся мощным фактором сохранения в памяти событий прошлого. Установление взаимосвязи между материальными предметами, местной топонимикой, определенными частями пространства становилось важной составляющей мировосприятия верующих. Эта закономерность касается и предметов богослужебного обихода. Документы фиксируют случаи приобретения икон специально для сохранения памяти о том или ином примечательном событии в жизни страны, особенно таком, в котором, с точки зрения современников, смешивалось сакральное и мирское. Так, в 1879 г. крестьяне Устьмошского прихода Каргопольского уезда совместно с приходским духовенством приобрели для своей церкви икону святого Александра Невского специально «по случаю спасения жизни государя императора». Отныне перед этой иконой 19 ноября, в день памяти благоверного князя, совершалась литургия и молебен за здоровье царя³⁷³.

³⁷⁰ Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 142.

³⁷¹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения, с. 358.

³⁷² Цеханская К.В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв., с. 301.

³⁷³ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60, л. 19, об.

Разные элементы повседневного церковного обихода отразились в памяти в неравной степени. Наибольшее значение для поддержания коллективной религиозной памяти имели местные святыни: почитаемые часовни, поклонные кресты³⁷⁴ и другие объекты, связанные с памятливыми событиями в жизни сообществ верующих. Так, в Виданском приходе Олонецкой епархии, как свидетельствует епархиальная пресса, «любят указывать камень с углублением на нем, весьма похожим на отпечаток человеческой ступни. По рассказам крестьян, это отпечаток ноги св. Николая, будто бы ходившего по их полям»³⁷⁵. Такой же камень любили показывать верующие из Таржепольского прихода, где рядом с древней часовней «находится камень, на котором ясно виден отпечаток человеческой ступни, левой ноги». Для местных жителей это был «знак особого благоволения к ним пророка Божия Илии». Водой из этого углубления местные жители мазали глаза, «будучи вполне уверены, что вода в ступне священна и способствует прекращению каких угодно глазных болезней»³⁷⁶.

В целом принципы формирования коллективной религиозной памяти находятся за пределами индивидуального восприятия, мало доступны для творческого освоения, но связываются с конкретным человеком посредством разноплановых эмоций. Можно сказать, что память верующего человека сводилась к обширному, но отнюдь не бесконечному набору ситуаций, типичных сюжетов, информация о которых встречается в разных местностях и в разные хронологические периоды, существуя с небольшими локальными вариациями. Память продуцирует «выгодный», комфортный для индивида и коллектива миф, призванный создать душевный комфорт. Поэтому, обращаясь к проблеме православной памяти, мы имеем дело с предельно эмоциональным восприятием событий религиозной жизни. По своей сути память репрессивна. Для одних память о добродетельной жизни, соответствующей христианским идеалам, стала своеобразной наградой за праведность, для других — жгучие угрызания совести превратились в наказание за совершенные в прошлом грехи. Это вполне закономерно. Ведь аксиологически дезориентированная память неизбежно превращается в бессвязную коллекцию отдельных фактов.

³⁷⁴ Яшкина В.Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX веков // Антропология религиозности. СПб., 1998. С. 336–375.

³⁷⁵ Островский Д. Село «Видана» // ОЕВ. 1900. № 12. С. 458.

³⁷⁶ Пидьмозерский В. Таржепольский приход Петрозаводского уезда // Там же. 1902. № 23. С. 2.

Важным условием поддержания православной памяти становилось внушение. Вообще, можно с уверенностью утверждать, чтобы воспоминания отдельных людей стали коллективными, они должны прийти в соприкосновение, должен начаться процесс социальной коммуникации. Для православной памяти эта закономерность вполне применима. Благодаря взаимодействию людей, вдохновленных одной общей идеей, формируется некое подобие «коллективной личности», каждая часть которой (отдельный прихожанин) в значительной мере бессознательно заимствует у других мимику, жесты, манеру держать себя, одеваться, устраивать свой обиход³⁷⁷. В конечном итоге внушение формирует общее со всеми содержание памяти, общее представление о значимых событиях прошлого. Существенной закономерностью функционирования православной памяти стала направленность на фиксацию конфликтных ситуаций людей между собой и простых смертных с потусторонним, трансцендентным миром, событий, связанных с печальными или даже мистически пугающими обстоятельствами в жизни отдельной религиозной общины, региона или всей страны. Принято считать, что сосредоточенность на исторической памяти — характерная черта посттравматического времени. Это суждение нуждается в комментариях. Существует вполне аргументированная версия, представленная в статье Т. Щепанской, согласно которой так называемые святые места становились местом сосредоточения негативной информации: ведь сюда с обширной округи стекались люди, в жизни которых случилась беда³⁷⁸. Беда в сознании верующих неразрывно связывалась с наказанием за грехи, за недопустимое с точки зрения традиционного религиозного сознания поведение. Так, в селе Халуе Каргопольского уезда на протяжении ряда веков сохранялась память о пропаже реки по слову святого Александра Ошевенского. В ответ на оскорбления, отказ в ночлеге и изгнание из деревни преподобный произнес слова проклятия: «Видите эту реку? Великая благодать для человека, когда у самого жилья так много здоровой воды. Но вот что скажу я вам: река эта течет и будет течь, но воды из нее вам не пивать; вы будете жить у воды, но без воды». На глазах у изумленных жителей река ушла под землю и появилась вновь в нескольких верстах от деревни³⁷⁹.

³⁷⁷ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 156.

³⁷⁸ Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

³⁷⁹ Ш-н В. Предание о реке Халуе (Каргопольского уезда Ошевенской волости) // ОЕВ. 1900. № 12. С. 462.

Существование памяти связано с *эстетизацией* событий христианского прошлого, противопоставлением давно минувшего благочестия и нынешнего сомнительного образа жизни, прежней готовности пострадать за веру и нынешнего нежелания поступиться сиюминутными бытовыми удобствами ради высоких идеалов. Этот подход к памяти базировался на общей закономерности функционирования памяти любого индивида: «человеческой психике выгодно поддерживать ретроспективный позитивный баланс»³⁸⁰. В православной коллективной памяти прослеживается аналогичная закономерность. Твердая убежденность в божественном предопределении выполняла для крестьян компенсаторную функцию «в условиях хозяйствования высокой степени риска»³⁸¹. Эта же закономерность связана с рядом событий церковной истории, поддержание памяти о которых связано с поминовением погибших ради благочестия, почитанием мест старообрядческих самосожжений, которое широко распространилось в России, становясь значимым отнюдь не только для «раскольников»³⁸². Материалы делопроизводства, рисующие совсем иную картину «гарей», для большинства верующих оставались недоступными, что в данном случае формировало идеализированный, лишенный конфликтов и противоречий образ исторического прошлого, в частности, борьбы за «старую веру», противопоставляемый неприглядной действительности.

По мере развития исторической памяти и совершенствования самосознания верующих начался затяжной конфликт между разными аспектами памяти, вызванный, с одной стороны, разделением православных на старообрядцев и сторонников никоновских реформ («никониан»), а с другой – конфликтом между памятью более-менее образованной части верующих и теми, для кого народные предания служили не менее, а зачастую и более достоверным источником информации, чем церковная проповедь. Можно говорить не только об интегрирующей, но и о дифференцирующей функции памяти, обусловленной непростой историей развития религиозного сознания в России. Благодаря всему этому в сознании верующих историческая па-

³⁸⁰ Нуркова В.В. Совершенное продолжается. Психология автобиографической памяти человека, с. 33.

³⁸¹ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX–начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 193.

³⁸² Пулькин М.В. Почитание мест самосожжений старообрядцев на Европейском Севере России (XIX–начало XX в.) // Мировоззрение и культура северно-русского населения. М., 2006. С. 215–223.

мять занимала одно из центральных мест, являлась многоуровневым феноменом, в котором все события были «рассортированы» в зависимости от древности, близости к «святым местам», длительности почитания, чудотворности и т.п. Но при этом память создавала мировосприятие, которое осознавалось его носителями как целостное и непротиворечивое. Поддержание православной памяти становилось значимой составной частью повседневной деятельности институтов Русской Православной Церкви.

Верующие никогда не сомневались в способности человека полноценно воссоздавать картины прошлого, формировать вполне адекватное представление об историческом пути, пройденном православным приходом, монастырем, отдельной территорией и всей Церковью в тот или иной период. В то же время *совокупность фактов, хранящихся в памяти, всегда является результатом перманентной интерпретации образов прошлого*. Память стала одной из форм адаптации мирского, связанного с повседневными заботами, крестьянского обихода к сакральному миру. При этом воспоминания о далеком или близком прошлом вполне поддавались коррекции: структура православной памяти создавала широкие возможности для религиозного творчества, переосмысления прошлого и, в частности, для существования «народного православия» — особого явления русской религиозной жизни, в котором православие объединялось с дохристианскими верованиями.

Таким образом, в изучаемый период на духовенство возлагался обширный круг обязанностей, связанных с совершением треб, ведением разнообразной приходской документации. Сложным, в том числе и в церковно-административном отношении, оставалось поддержание памяти о событиях церковной истории. Ситуация осложнялась многочисленными приходскими традициями, одни из которых вполне поддерживались законодательством, а другие шли вразрез с ним. В целом местному духовенству приходилось учитывать как требования закона, так и пожелания прихожан. Тяжкий груз священнических обязанностей дополнялся непростыми трудами за пределами храма. Рассмотрим этот круг вопросов подробнее.

§ 5. Прихожане и белое духовенство: взаимоотношения вне храма

Взаимоотношения прихожан и белого духовенства не исчерпывались исполнением «мирских треб» и обеспечением клира. В XVIII—начале XX в. сохранялась еще одна сфера, в которой соприкасались интересы церковников и прихожан. Подобно тому, как церковное